

Городилова Людмила Михайловна

АНТРОПОГЕННЫЕ ОЙКОНИМЫ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XVIII В.

В статье рассматривается становление топонимической системы Приенисейской Сибири в период ее активного заселения. Представлено описание одного из типов номинации населенных пунктов русских первопоселенцев – антропогенных ойконимов. В научный оборот впервые вводятся данные, извлеченные из рукописных памятников деловой письменности, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 61-64. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'373.211.1

Филологические науки

В статье рассматривается становление топонимической системы Приенисейской Сибири в период ее активного заселения. Представлено описание одного из типов номинации населенных пунктов русских первооселенцев – антропогенных ойконимов. В научный оборот впервые вводятся данные, извлеченные из рукописных памятников деловой письменности, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва).

Ключевые слова и фразы: этапы формирования региональной топонимической системы; геогенные ойконимы; номинации культурно-исторического характера; отантропонимические ойконимы; агитоойконимы; этноойконимы.

Городилова Людмила Михайловна, д. филол. н., профессор
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
gorodilova_l@mail.ru

**АНТРОПОГЕННЫЕ ОЙКОНИМЫ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XVIII В. ©**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-14-27001 «Топонимия Приенисейской Сибири XVII – нач. XVIII в. (на материале памятников деловой письменности)».

Исследование топонимов, зафиксированных в памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири, показало, что характер номинации населенных пунктов тесным образом связан с историей заселения края, которая распадается на два периода – начальный («завоевательный») и период активного хозяйственного освоения. Так, начальный период связан с продвижением вглубь Сибири служилой части населения и построением на крупнейших реках региона и их притоках острогов и заимок, выполнявших роль оборонительных сооружений. Закрепление освоенной территории за Московским государством шло с севера на юг в непрерывной борьбе с воинствующими коренными народами, издревле населявшими данную территорию.

Именно экстралингвистические факторы обусловили преобладание в топонимической системе Приенисейской Сибири на ранних этапах ее формирования геогенных (преимущественно отгидронимических) ойконимов [5, с. 226-229], которые свидетельствуют о характере восприятия русскими первооселенцами нового географического пространства через отношение к объектам естественно-географической и этнической среды. Ср., например: *Дубцеское* зимовье (1614 г.) – от названия р. Дубцес; *Енисейский / Енисейский / Несеийский* острог (1619 г.) – от названия р. Енисей; *Илимпейское* зимовье (1627 г.) – от названия р. Илимпея, левого притока Нижней Тунгуски; *Илимский* острог (1630 г.) – от названия р. Илим, притока Ангары; *Кетский* острог (1602-1605 гг.) – от названия р. Кеть; *Летнее* зимовье (1625 г.) – от названия р. Летняя; *Рыбинский* острог (1628 г.) – от названия р. Рыбной; *Тетерское* зимовье (1628 г.) – от названия р. Тэтэр; *Туруханское* зимовье (1607 г.) – от названия р. Турухан, притока Енисея; *Хантайское* зимовье (1620 г.) – от названия р. Хантайки; *Чунское* зимовье (1629 г.) – от названия р. Чуни и др. примеры.

На раннем этапе формирования топонимической системы Приенисейской Сибири группа антропогенных ойконимов значительно уступает в количественном отношении геогенным образованиям, что вполне соответствует высказыванию А. В. Суперанской о том, что только оседлое население дает «топонимы, содержащие имена, прозвища, фамилии людей, обозначения профессий, мест их прежнего жительства» [18, с. 14].

Как известно, хозяйственное освоение Сибири и формирование постоянного населения относится ко второй половине XVII в. и связано с массовым переселением, прежде всего, пашенных крестьян. В этот период создаются деревни и села, населенные государевыми пашенными крестьянами и служилыми людьми, монастырские деревни, посадские слободы, население которых временно освобождалось от государственных повинностей, и заимки, представлявшие собой чаще всего «однодворные поселения и земельные участки, занятые кем-либо по праву первого владения, вдали от освоенных территорий» [2].

Памятники деловой письменности Приенисейской Сибири фиксируют названия 4 сел (*Атаманово, Бузим / Бузимское* < Бузимская деревня, *Ильинское, Ясаулово / Ясаулово* < Ясаульская деревня), 5 заимок (*Гаревая* заимка > деревня, *Колмогорова, Остяцкая, Рождественская* > Рождественская монастырская деревня, *Ярцова*); 13 слобод (*Дубчаская, Зырянская, Ижемская, Кемская, Красная, Мангазейская, Надпорожная, Надпорожная Спасская, Новая, Новая Ивановская, Новая Кемская, Новая Подгородная, Троецкая*) и 120 деревень, из которых только 82 имели фиксированные названия.

Формирование некоторой части названий населенных пунктов русских первооселенцев обусловлено особенностями естественно-географической среды, что позволяет включить их в группу геогенных ойконимов. Однако большую часть названий, появившихся вместе с оседлым населением, составляют номинации культурно-исторического характера, связанные с личными именованиями дворовладельцев или членов их семей, с религиозно-культурной лексикой, материальной или социальной жизнью русских первооселенцев. Антропогенные ойконимы позволяют «выявить географию древних форм хозяйственной деятельности человека, мест добычи полезных ископаемых, господствовавших в прошлом промыслов, а также географию

древних торговых путей и транспортных связей, ареалы распространения определенных видов сельскохозяйственной деятельности» [13, с. 66].

Одним из основных источников образования антропогенных ойконимов, зафиксированных в деловой письменности Приенисейской Сибири, являются антропонимы, включающие личные канонические / неканонические имена, прозвища и фамильные прозвания основателей или владельцев населенных пунктов различного типа. На факт обусловленности названий населенных пунктов именами и прозвищами жителей сел и деревень указывают контексты: «Ивашко Кирилов сын Таскин живет с братьями в Хлоптуновской деревне <...> Семейка Яковлев сын Хлоптунов живет в деревне у отца своего» [14, кн. 566, л. 179 об.]; «В Ярлыкове деревне три двора крестьянских двор пашенного крестьянина Семейки Иванова Ярлыкова» [Там же, кн. 527, л. 482 об.]; «Деревня Сурнина, а в ней двор посацкого человека Ивашка Сурнина» [15, ст. 527, л. 412 об.]; «да Лопатовской деревне Алешка Лопатин» [14, кн. 403, л. 96 об.] и др.

По семантике образующих основ к отантропонимическим прежде всего следует отнести ойконимы, образованные от личных канонических имен или производных от них фамильных прозваний, например: деревня *Антипнская* – от Антип; деревня *Давыдова* – от Давыд / Давыдов; деревня Козмина – от Козьма; деревня *Лукьянова / Лукьяновская* – от Лукьян; деревня *Марково Городище* – от Марк; деревня *Павловская* – от Павел / Павлов; деревня *Потановская* – от Потап / Потапов; деревня *Тихонова* – от Тихон / Тихонов; село *Ильинское* – от Илья и под. От личного неканонического имени образовано название всего лишь одной деревни – *Баженовская* < Бажен.

Подобные названия деревень и заимок прямо указывают на владельцев земельных наделов с расположенными на них постройками. Полученные результаты исследования подтверждаются мнением В. А. Никонова о том, что ойконимы, образованные от личного имени дворовладельца, «служили основным средством выражения принадлежности, образуя притяжательные прилагательные. Эта историческая функция сделала их господствующими в ойконимии, когда распространение феодальной собственности на землю стало главным признаком наименования мест – кому оно принадлежит» [12, с. 69].

Диспропорция в использовании канонических и неканонических личных имен в качестве базы образования ойконимов отражает общерусскую картину формирования системы личных наименований, при которой происходит постепенное вытеснение православными (каноническими) именами имен неправославных (неканонических). Завершение этого процесса, по мнению ученых, приходится на XVII в. – период активного освоения территории Приенисейской Сибири.

Особую группу отантропонимических ойконимов составляют названия, в основе которых лежат прозвища / фамильные прозвания основателей или владельцев населенных пунктов, полученные ими по внешнему виду, чертам характера, профессиональной деятельности. К примерам ойконимов с прозвищной основой можно отнести названия деревень *Коневаловская* < Гришка Коневалов / Ивашко Коновал < Коневал < коневал – «знахарь, лекарь, занимающийся лечением и холощением лошадей и других домашних животных» [17, с. 270]: «а сказали про тое пустошь что была Коневаловская деревня <...> отдали де тое деревню в Спаской монастырь за вклад посадцкие люди Гришка да Омелька Коневаловы» [14, кн. 403, л. 27 – 28 об.]; *Пучеглазовская* < Ондрюшка Семенов Пучеглаз < «пучеглаз [м.], пучеглаз [ж.] – кто пучить глаза, зевака, ротозей; || у кого глаза навывкате и тарашатся» [6, с. 537-538]: «а сказали посадцкие люди Ивашко Осипов Митрошка Иванов отдал де тое Пучеглазовскую деревню в Спаской монастырь за вклад посадцкой человекъ Ондрюшка Семенов Пучеглаз» [14, кн. 403, л. 42 об.]; *Падерина* < Ивашко Падерин < «1. Падера ж., падерь м. – кур., пск., ниж. бранно: одерь, одрань, падаль, стерва || Родь брани. 2. Падера, падора ж. *нвг., пск., арх., прм., сиб. буря съ вихремъ, дождемъ, со снегомъ, зимнее ненастье*» [6, с. 7]: «а сказали Падерины деревни жильцы енисейской служилой человек Ивашко Падерин посадцкой человек Епишка Юревь...» [14, кн. 403, л. 36 – 36 об.]; *Ярцова* заимка < Федор Ярцов < «ярец – годовалый бобренок: *камч.*» [7, с. 679]; *волог., онеж., арх.* [11, с. 636] (возможно, от прилагательного **ярый** – «огненный, пылкий; // сердитый, злой, лютый; горячий, запальчивый; // крепкий, сильный, жестокий, резкий; // скорый, бойкий, неудержный, быстрый; крайне ретивый, рьяный; // горячий, похотливый» – или от глагола *ярить* – «разъярять, горячить, кипятить, сердить, дразнить, злить, злобить, озлоблять, приводить в ярость; // разжигать похоть» [7, с. 679]). Перечень подобных наименований можно расширить названиями деревень *Костыльникова, Кочнева, Куваршина / Куваршинская, Погадаева / Погадаевская, Сурнина, Торгошина, Хлоптуновская* и др.

Хозяйственное освоение Приенисейского края тесно связано с распространением православия в Восточной Сибири. Немаловажную роль в этом процессе, а также в развитии экономики, культуры и формировании постоянного населения сыграли монастыри. Известно, что первым монастырем в Приенисейской Сибири стал Христорожественский женский монастырь в Енисейске (1623 г.), в ведении которого находились расположенные близ Енисейска богатые земельные угодья, мельницы. К 1642 г. относится основание Спаского Енисейского мужского монастыря, который к 80-м годам XVII в. стал обладателем значительного количества земельных угодий – пахотных земель, покосов, скотинных выпусков. Наибольшую известность в Приенисейском крае приобрел Туруханский Свято-Троицкий монастырь, основанный в 1657 г. монахами Енисейского Спаского монастыря Тихоном и Дионисием в устье реки Нижней Тунгуски. Здесь, в небольшой пустыни, в 1664 г. была построена Троицкая церковь, а сама пустынь переименована в монастырь, который вскоре приобрел самостоятельность и начал быстро развиваться.

С хозяйственной деятельностью монастырей связано появление таких населенных пунктов, как *Роже-стенская* заимка: «Той же Подпорожной деревни за монастырщиною двор пашенного крестьянина

Матюшки Углова <...> земля дана выше Рождественской заимки по Бородине речке» [14, кн. 527, л. 447] > *Рождественская* монастырская деревня: «в той же Рождественской монастырской деревне посеяно казенной монастырской ржи наемными людьми <...> по мере шесть десятин» [Там же, кн. 403, л. 82 об.]; слобода *Надпорожная Спасская*: «слобода Надпорожная Спасская живут посадские люди Семейка Симанов да тое ж Надпорожной Спасской слободы посадские люди живут в деревнях на яланех» [Там же, кн. 566, л. 200 об. – 201]; *Троецкая* слобода [Там же, кн. 842, л. 37].

Хотя количество ойконимов, образованных от имен собственных религиозного характера невелико, все же оно в какой-то степени подтверждает факт зависимости топонимической номинации от общественно-социального сознания и духовной части человеческого бытия [13, с. 73]. Незначительное количество агеоойконимов, вероятно, связано и с тем, что «ойконимическая модель — а церкви» достигает пика продуктивности к XVIII-XIX векам. Это также обусловлено культурно-историческими факторами» [4, с. 13].

В отличие от Европейской части России [8, с. 47-49; 13, с. 75-76] памятники деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. не зафиксировали ни одного случая номинации населенных пунктов по именам святых, по названию религиозных праздников и другой культово-религиозной лексике. В то же время следует заметить, что сегодня «на территории Приенисейской Сибири, как и на других территориях России, отмечается множество ойконимов по названию храмового праздника или святого покровителя деревни» [3, с. 39].

Небольшая группа ойконимов отражает характер заселения Приенисейского края, содержит указания на этнический состав первопоселенцев. Например, название деревни *Зырянка / Зырянова / Зырянская* связано с названием *зыряне* – так назывался «народ финского или уральского класса туранского семейства, обитающий в восточных частях губерний Вологодской и Архангельской» [9], откуда двигались в Сибирь переселенческие потоки. Часть населения Приенисейской Сибири составляли выходцы из Украины, которых называли черкасами, что отразилось в часто встречаемых прозвищах *Черкас, Черкасов, Черкашенин* и в названии деревни *Черкасская*: «Деревня Черкасская а в ней 21 человек пашут 10 десятин» [14, кн. 842, л. 66 об.]. В состав первопоселенцев Приенисейской Сибири входили представители финно-угорского народа – мордвы [1], что зафиксировано в памятниках письменности в виде этноойконима *Мордовская*: «деревня Мордовская, в ней 5 дворов крестьянских двор пашенного крестьянина Афоньки Алексеева...» [14, кн. 527, л. 474 – 473 об.]. Контакты с коренными народами Сибири отразились в этноойконимах *Остяцкая* и *Тотарская*.

Таким образом, зафиксированные в деловых текстах этноойконимы позволяют дополнить сведения о реконструкции этнического состава населения Приенисейской Сибири в период ее активного освоения.

Социальный состав первопоселенцев отразился в текстах делового содержания в названиях сел и деревень: *Атаманово, Ясаулово / Ясавулово < Ясаульская* деревня, *Казачья < Казачий Луг*, что указывает на основной вид деятельности первопоселенцев (воинскую службу), а возможно, и на социальное расслоение общества.

Определенный интерес вызывают ойконимы, топоосновы которых отражают типы селений. Примеры данной группы, как отмечает И. И. Жиленкова, интересны «как с точки зрения своей топонимизационной способности, так и с познавательной точки зрения, так как она отражает историческую (городище, городок) и социальную (хутор, поселок, слобода) характеристику поселений» [8, с. 52].

Однако если в Европейской части страны данная группа получила широкое распространение [8, с. 52-56; 13, с. 80-81; 16, с. 240; 19, с. 47-50], то в наших памятниках зафиксирован единичный пример подобного ойконима с наиболее старым термином *городище* – *Маркова Городище / Марково Городище*.

Таким образом, антропогенная группа ойконимов, зафиксированная в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в., оказалась относительно небольшой, но разнообразной по характеру топообразующих основ. Наибольшую часть в ней занимают ойконимы антропоимического образования – 39% от общего числа выявленных ойконимов. Меньшую группу составляют этно- и агеоойконимы – соответственно, 5% и 4%, – 5% примеров связаны с отражением социального состава первопоселенцев. Выявлен единичный случай образования составного ойконима, отражающего старый тип поселения – *Марково городище*.

В исследованной документальной письменности XVII в. не зафиксированы ойконимы, отражающие хозяйственную деятельность, хотя, по свидетельству рукописных памятников, на территории Приенисейской Сибири были достаточно хорошо развиты различные виды промыслов – рыболовный, звероловный (соболиный), солеваренный, железоделательный, кожевенный, свечной, «строения кочей» и др. Не обнаружены в текстах деловой письменности и ойконимы с высокой степенью абстракции, что, вероятно, обусловлено суровыми условиями жизни сибиряков.

Тем не менее, все выявленные антропогенные ойконимы с большей или меньшей степенью достоверности отражают культурно-исторические условия формирования постоянного населения на территории Приенисейской Сибири, ибо «почти за каждым ономастическим фактом стоит историческая и живая – вымышленная или вполне реальная – действительность, которая через различные экстралингвистические факторы создает специфический круг многообразнейших ассоциаций» [10, с. 134].

Список литературы

1. **Белицер В. Н.** Мордва [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/мордва/БСЭ/Мордва> (дата обращения: 10.11.2013).
2. **Большой энциклопедический словарь** [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.299.ru/enc.php> (дата обращения: 04.11.2013).
3. **Васильева С. П.** Идеографический словарь топонимов Приенисейской Сибири. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева, 2008. 180 с.
4. **Горбаневский М. В.** Из опыта культурно-исторического анализа топонимии: русские топонимы и православие // Топонимия и общество / отв. ред. Е. М. Поспелов, Р. А. Агеева. М.: МФГО АН СССР, 1989. С. 11-34.

5. **Городилова Л. М.** Ойконимы в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII – нач. XVIII в. // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. С. 226-229.
6. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. III. 555 с.
7. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. IV. 683 с.
8. **Жиленкова И. И.** Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов): учеб. пособие по лингвокраеведению. Белгород: ИД «Белгород», 2012. 124 с.
9. **Истомин Ф.** Зыряне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Зыряне> (дата обращения: 04.11.2013).
10. **Ковалев Г. Ф.** Ономастические единицы как фактор идентичности // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: мат-лы науч. конф., 3-6 июля 2000 г., Воронеж-Задонск / Воронеж. гос. ун-т; Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса). Воронеж: ВГУ, 2000. Т. 1. С. 134-143.
11. **Кюршунова И. А.** Словарь некалендарных имен, прозвищ и фамильных прозваний северо-западной Руси XXV-XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.
12. **Никонов В. А.** Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.
13. **Попов С. А.** Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин: монография. Воронеж: Издательский дом Алейниковых, 2003. 285 с.
14. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 214. Оп. 1.
15. **РГАДА.** Ф. 214. Оп. 3.
16. **Рубцова З. В.** Из истории донской топонимии // Историческая ономастика / под ред. А. В. Суперанской. М.: Наука, 1977. С. 217-250.
17. **Словарь русского языка XI-XVII вв.** / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 403 с.
18. **Суперанская А. В.** Основные линии топонимической номинации // Топонимика в региональных географических исследованиях: тез. докл. Всесоюз. конф. М.: МФГО. 1984. С. 12-15.
19. **Ященко А. И.** Топонимика Курской области. Курск: ИУУ, 1958. 78 с.

ANTHROPOGENIC OIKONYMES IN BUSINESS WRITING OF BY-ENISEI SIBERIA OF THE XVIITH – THE BEGINNING OF THE XVIIITH CENTURY

Gorodilova Lyudmila Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Far Eastern State University of the Humanities
gorodilova_l@mail.ru

In the article by-Enisei Siberia toponymic system formation is considered during the period of its active settlement. The description of one of the types of the Russian pioneers' settlements denomination – anthropogenic oikonymes – is presented. Data taken from the handwritten monuments of business writing kept in the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow) are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words and phrases: stages of regional toponymic system formation; geogenic oikonymes; denominations of cultural-historical character; oikonymes of anthroponymic origin; hagio-oikonymes; ethno-oikonymes.

УДК 398.21

Филологические науки

В статье основное внимание акцентировано на изучении поэтики двоемирия в народных демонологических рассказах. Дается анализ образно-персонажной и предметно-хронотопической организации исследуемых жанров, раскрывается взаимодействие мира феноменального и мира ноуменального – все это позволяет на новом уровне осветить проблему народного изображения и понимания мира и человека.

Ключевые слова и фразы: мифологический рассказ; быличка; бывальщина; двоемирие; ноуменальный мир; феноменальный мир; поэтика.

Грахова Светлана Ивановна, к. филол. н., доцент
Елабужский институт Казанского федерального университета
SG2223@yandex.ru

НАРОДНЫЕ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ: ПРИНЦИП ДВОЕМИРИЯ[©]

Современная фольклористика проявляет все больший интерес к изучению жанров устной народной мифологизированной прозы [1; 4; 6; 7]. Актуальными становятся вопросы жанровых особенностей, поэтики, бытования и развития произведений, отличных от сказок. Не менее актуальной является проблема изучения картины мира, представленная в современных текстах демонологических рассказов.